

Въ интересахъ ясности

Въ этой книгѣ « Современныхъ Записокъ » помѣщены « Мысли о Россіи » Ф. А. Степуна. Статья, какъ всегда, интересная по содержанию и блестящая по формѣ. Но согласиться во многомъ съ нею нельзя. Мы не говоримъ о второстепенномъ: здѣсь возможны и естественны индивидуальныя особенности каждаго автора. И не въ нравахъ редакціи ихъ отмѣчать и съ ними спорить. Разногласія, какъ намъ кажется, касаются основнаго и существеннаго.

Въ первой части своей статьи авторъ ставитъ большую и важную социально-философскую проблему — « проблему психологическаго и культурно-философскаго сращенія подлинно-консервативныхъ и творчески-революціонныхъ энергій русской души ». Подъ нѣскольکو необычнымъ въ данномъ случаѣ терминомъ консерватизма Ф. А. Степунъ понимаетъ — « защиту вѣчной правды прошлаго ». Точнѣе было бы сказать — пріятіе въ прошломъ того, что носить печать « вѣчной правды ».

Каждая — даже наиболѣе напряженная, « революціонная » — творческая энергія можетъ созидать истинныя цѣнности, только основываясь на « вѣчной правдѣ » прошлаго, на великой культурной *традиціи* своего народа. Творчески положительнымъ и нужнымъ народу будетъ только то новос, что являясь дѣйствительно новымъ, *не бывшимъ*, тѣсно связано, спаяно съ цѣнностями « бывшими » и въ исторической перспективѣ продолжаетъ логическую линию восхожденія народа къ раскрытію всѣхъ его культурно-творческихъ возможностей.

И въ этомъ смыслѣ глубоко правъ Степунъ, когда именно теперь, въ моментъ разрушенія, загрязненія культурнаго лика Россіи, настаиваетъ на важности культурно-національной проблемы. Глубоко правъ, когда обвиняетъ насъ, революціонную интеллигенцію, въ нѣкоторой « ущербленности » въ прошломъ культурно-національнаго сознанія. Ибо, говоря образнымъ языкомъ Степуна, « для рѣшенія судьбы русскаго народа недостаточно интересоваться аграрнымъ вопросомъ, но надо кромѣ того любить « поля и нивы », надо « органически, подсознательно ощущать », что « барская » литература Тургенева и Толстого заключаетъ въ себѣ великія « вѣчныя », а не « барскія » цѣнности.

У французовъ часто встрѣчается выраженіе, которое стало *переживаніемъ*, постояннымъ строемъ души — *la belle France*, Прекрасная Франція. Прекрасная Франція — не только своими « полями и нивами », а всѣмъ многовѣковымъ своимъ культурнымъ созиданіемъ, всей цѣлостностью своего духовнаго лика, пронесеннаго черезъ вѣка и обогащеннаго творческимъ порывомъ ряда поколѣній. Эту «прекрасную Францію» несутъ въ душѣ своей, какъ «вѣчную правду прошлаго» его страны, каждый истинно-культурный французъ. И тѣмъ напряженнѣе созидательная энергія человека, тѣмъ громче звучитъ эта «вѣчная правда», эта культурная традиція «прекрасной Франціи» въ его творчески-«революціонныхъ» порывахъ. И тѣмъ гармоничнѣе сочетается эта культурная традиція съ созидательной энергіей. Развѣ не жила эта «прекрасная Франція» въ душѣ великаго пророка будущаго человечества — Жана Жореса? И развѣ нельзя сказать величавыми словами Степуна, что какъ разъ въ Жоресѣ такъ глубока «уравновѣшенность памяти и пророчества»?

Недавно Эдуардъ Эррио написалъ книгу «Въ лѣсу Нормандія». Вся книга этого боевого французскаго политика проникнута той же «памятью» о «вѣчной правдѣ» прошлаго, вся полна лафоса національно-культурной традиціи. Конечно не каждый вынесетъ изъ своего «Нормандскаго лѣса», изъ лѣса своей національно-культурной исторіи совершенно одинаковыя цѣнности, не всякій одинаково осмыслитъ ихъ. Быть можетъ, Ф. А. Степунъ и я тоже разойдемся кое въ чемъ. Важно не это конкретное расхожденіе. Важно согласное утвержденіе существованія проблемы и повелительной необходимости ея разрѣшенія во имя будущаго Россіи.

Къ сожалѣнію, эту нужную, глубоко «живую» тему Ф. А. Степунъ развиваетъ въ связи, по поводу весьма ненужнаго и «мертвваго», и по его мнѣнію, дѣла — Зарубежнаго Сѣзда. И мертвецъ мститъ за себя — извращая всю постановку темы и мѣшая правильному разрѣшенію вопроса.

Проблема, поставленная Степуномъ, приобретаетъ всю свою цѣнность и важность только тогда, когда она поставлена, дѣйствительно, какъ культурно-психологическая проблема, какъ проблема «души» — души индивидуума, нѣкоторой ясно очерченной общественной группы, или народа. Ибо и народъ — въ творческомъ, культурно-психологическомъ смыслѣ — тоже нѣкій индивидуумъ, нѣкая нераздѣльная цѣлность, создающая свои цѣнности. Существованіе, чтобы происходило *сращеніе* двухъ названныхъ Степуномъ энергій въ *единой* (хотя бы и коллективной) *душѣ*. Чтобы она, эта *единая* душа, созидала изъ двухъ элементовъ нѣчто тре-

тве, высшее, что являлось бы ихъ взаимопроникновеніемъ, химическимъ соединеніемъ, а не амальгамой и механической смѣсью.

Но политическая тема Зарубежнаго Съѣзда привела Ф. А. Степуна къ *политическимъ* величинамъ — группамъ и образованиямъ. И вмѣсто дѣйствительной и глубокой *проблемы* сліянности *двухъ* энергій въ *единой* душѣ — человека или народа — появилась нереальная задача соединенія *двухъ* политическихъ группировокъ въ *единомъ* фронтѣ. Изъ консервативной (въ его пониманіи) энергіи души выросъ *консерваторъ*, а изъ творчески-революціонной — *революціонеръ-демократъ*.

Мы отнюдь не хотимъ извращать мысль Ф. А. Степуна. Мы прекрасно помнимъ, что не о «единомъ фронтѣ» Струве онъ говоритъ, ибо онъ его рѣзко отрицаетъ. Болѣе того, онъ даже пишетъ, что проблема «единаго фронта» мыслится имъ вовсе не какъ проблема политическаго объединенія монархистовъ съ эр-деками, и что онъ имѣетъ въ виду «не созданіе какихъ либо партій и организацій, а только сращеніе въ русской жизни, въ русскомъ общественно-политическомъ сознаніи консервативно-творческихъ и революціонно-положительныхъ душевныхъ энергій».

Но за всёми тѣмъ, нельзя отказаться отъ мысли, что Степунъ всетаки говоритъ о «единомъ фронтѣ», какъ нѣкоей политической задачѣ. Правда, для него это — музыка будущаго. Но въ будущемъ онъ все же видитъ возможность созданія порожденной этимъ единымъ фронтомъ «*политически* дѣеспособной организаціи». Болѣе того, онъ усматриваетъ уже въ современности элементы этой будущей организаціи. Это — современные лѣвые и правые. Только для этого надо ихъ нѣсколько исправить: «лѣвому и правому флангамъ надо отъ много отказаться и съ многими порвать». И идя дальше, Степунъ указываетъ какія измѣненія частью тоже *политическаго* характера необходимо произвести для построенія единаго фронта «консервативнаго демократизма», вразумительнаго, вообще говоря, не болѣе «консервативнаго либерализма» Струве.

И ради этой нереальной задачи Степунъ лишаетъ настоящаго пафоса и самую свою основную проблему. Созданіе, формированіе *единой* души, культурно-творящей, онъ замѣняетъ какимъ то своеобразнымъ «раздѣленіемъ труда». Въ его будущей «дѣеспособной организаціи» демократу-революціонеру относится одна роль, а консерватору другая. Такъ, *прямой задачей* консервативнаго фланга является «защита народнаго вѣры». Ибо «отъ демократическаго социализма и республиканскаго либерализма этой защиты ждать трудно». Но, если вѣрно утвержденіе Степуна, что *надо* чувствовать и глубоко переживать *связь православія съ рус-*

ской культурой, то ясно, что проблема культурнаго возрожденія Россіи и истинно культурнаго творчества не въ такомъ «раздѣленіи труда», а въ воспитаніи въ *каждой* душѣ, которая хочет и должна быть культурно-творящей, этого чувства *связи*. Разрѣшать же проблему не въ виѣпространственной душевной глубинѣ, а въ пространственной трехмѣрности значить не рѣшать, а только затѣмнять ее.

Задача эта представляется нереальной въ настоящее время и самому Степуну. По его мнѣнію, консерваторъ — «типъ въ Россіи отсутствующій». И недавняя политическая исторія и политическія событія едва ли даютъ основанія предположить возможность народженія у насъ этого типа, какъ ни хочется, повидимому, самому Степуну увидѣть его, наконецъ, воплощеннымъ въ «плѣнныхъ участникахъ» Зарубежнаго Съѣзда — Струве, Ильинъ и Карташевъ.

Ф. А. Степунъ идетъ, впрочемъ, дальше. Онъ думаетъ о будущемъ. И этотъ «отсутствующій типъ» онъ считаетъ для Россіи «нужнымъ». Но въ томъ *политическомъ* толкованіи, которое онъ даетъ своей «культурно-національной» проблемѣ — это звучитъ уже совѣтъ странно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «политически дѣеспособный консерваторъ» — а очевидно такой нуженъ для «политически дѣеспособной организаціи» — это уже не «консервативная энергія души», выражающаяся въ пріятіи того, что въ *прошломъ* народа отъ «вѣчной правды». Это социально-политически цѣльный типъ, политическій дѣятель съ политической программой и политическими устремленіями, направленными на *настоящее* и *будущее*. Степунъ, повидимому, самъ понимаетъ это. Не даромъ въ своей статьѣ онъ развиваетъ *ad usum* этихъ будущихъ консерваторовъ своеобразное понятіе «священной собственности», которое, по его мнѣнію, можетъ отчасти сблизить ихъ съ социалистами. И, разумѣется, политическая программа такого консерватора или консервативной группы будетъ *toto coelo* отлична отъ программъ и республиканскаго демократизма, и демократическаго социализма и враждебна имъ.

Но эти послѣдніе считаютъ, конечно, свои политическія программы правильными и весьма «нужными» — не для самихъ себя, а для возрождающейся къ жизни въ правѣ и свободѣ Россіи. Почему же одинъ изъ членовъ этихъ политическихъ формаций долженъ считать весьма «нужнымъ» народженіе той политической группы, которая эти программы будетъ оспаривать, противъ которыхъ будетъ бороться?

Нафосъ при постановкѣ своей политической задачи построения «единого фронта» *въ будущемъ* Степунъ черпаетъ *изъ прошлаго*. Онъ говоритъ о ней, онъ «одержимъ» ею, зачарованный «мигомъ» мартовской революціи. Тѣмъ начальнымъ «мигомъ», когда революція была «всенароднымъ порывомъ», давшимъ національное единство. Этотъ «порывъ» онъ хочетъ видѣть воссозданнымъ опять.

Мы много могли бы возразить Ф. А. Степуну по поводу исторической философіи и прагматикіи мартовской революціи. Но не это въ данномъ случаѣ существенно. Основная проблема почувствована Степуномъ на нашъ взглядъ правильно, и «эмоціонально» мы его понимаемъ. Ибо, конечно, лишь культурно-одухотворенный порывъ, захватившій весь народъ, поведетъ Россію къ дѣйствительному и полному возрожденію.

Но и во имя этого будущаго едва ли по адресу направлень призывъ Степуна. Онъ самъ съ послѣдней ясностью утверждаетъ, что «политически бессмысленное (для настоящаго времени. Н. А.) объединеніе отвлеченно мыслимо *лишь на основѣ признанія исторической и нравственной правды мига мартовской революціи*». Это есть — «общій знаменатель», общая почва — и никакихъ другихъ «выдумать нельзя».

Но въ такомъ случаѣ говорить надо не о тѣхъ и не къ тѣмъ, кто, можетъ быть въ *прошломъ* и искренно участвовалъ въ мартовской революціи, но кто *нынѣ* ее отрицаетъ и ненавидитъ за ея завѣты и откровенія. Ихъ звать обратно, «перерождать» — напрасный и ненужный трудъ. Къ прошлому возврата нѣтъ.

Говорить надо только о *пріявшихъ и сохранившихъ* правду мартовской революціи, правду тѣхъ культурныхъ и духовныхъ дѣяностей, которыя въ ней заложены. Говорить надо о ихъ *настоящей* и *будущей* работѣ надъ тѣмъ, чтобы *народъ* до конца осозналъ, пережилъ эту правду, воспламенился ею и, наконецъ, осуществилъ ее. Ибо только въ этомъ новомъ пламенномъ осуществленіи правды марта *народомъ* и обрѣтется новый, не на мигъ роллившійся, глубокой и подлинный общенародный порывъ.

Николай Авксентьевъ.